

Хвалёный зелёный экран и страховочные тросы — для новичков, не имевших съёмочного опыта, всё это было в диковинку и будоражило воображение. Чу Цинюнь не знал, довелось ли переселенцу опробовать подобные трюки во время учёбы в академии, но сам он с этим никогда прежде не сталкивался.

Полёты на подвесах требовали не просто актёрского мастерства, но и приличной физической подготовки: гибкости, а главное — умения управлять каждой мышцей своего тела. За обедом Цинюнь недовольно нахмурился и пощупал собственное плечо — рука казалась пугающе тонкой.

Поскольку в предыдущих турах на «Пике актёрского мастерства» участники соревновались парами или тройками, в столовой все обычно кучковались своими командами. Теперь же, когда в следующем этапе каждый играл сам за себя, рассадка за столами наглядно демонстрировала, кто с кем действительно близок, а кто держится особняком.

Желая поскорее стряхнуть с себя тяжелый морок «Кровавой луны», Сун Сюйян и Хэ Юэ демонстративно отсели от Чу Цинюня подальше. В итоге за его столиком остались лишь Шао Жань и Чэнь Сяоди.

Зрители, заметив это воссоединение, тут же засыпали чат ностальгическими комментариями:

— О, «агенты» снова вместе! Мой любимый каст на этом проекте!

— Боже, обожаю эту троицу. Шао Жань и Чэнь Сяоди даже ни секунды не сомневались — сразу к нему подсели!

— Кто бы мог подумать... В самом начале Котёнок вообще ни с кем не разговаривал, а теперь обзавёлся кучей друзей. Негласный любимчик шоу?

— Мимокрокодил: вообще-то звание любимчика забронировано за Чжоу Чи. У Чу Цинюня от силы пять-шесть приятелей, какой он любимчик? А вот Чичи обожает абсолютно вся съёмочная группа.

— Хейтер-реалист: исправьте «вся съёмочная группа» на «все любят рейтинги и охваты».

— Фанаты Чу, вы что, ослепли? Там толпа народу хотела подсесть к Чичи поболтать! Просто он у нас верный старым друзьям, вот и обедает всегда с Ху Иминем.

— А-ха-ха, я сейчас лопну со смеху от Сун Сюйяна! Гляньте, он ест и до сих пор пальцы веером топырит, будто всё ещё в образе!

— По-моему, на тросах здесь летал только Шао Жань да ещё пара профессиональных актёров. Разве это честно по отношению к остальным участникам?

— А то, что у кого-то за плечами бойз-бэнд и танцевальное прошлое, честно? Опыт — это тоже часть конкуренции, алё!

Тем временем за столом Чэнь Сяоди вовсю расспрашивал Шао Жаня о тонкостях работы с тросами.

Шао Жань держался невозмутимо, однако при близком рассмотрении за этим спокойствием угадывалась глубокая, экзистенциальная покорность судьбе. Услышав вопрос Сяоди, он лишь горько усмехнулся:

— Думаю, тебе лучше спросить вон тех девчонок, что играли в дорамах про бессмертных.

— А? — Чэнь Сяоди растерялся, не понимая, к чему тот клонит.

— Он сам на них ни разу не летал, — подал голос Чу Цинюнь. Он поднял глаза, и хотя в его тоне скользило сомнение, взгляд оставался абсолютно твёрдым.

Шао Жань начинал как ребёнок-актёр. И пусть сейчас предложений о съёмках почти не поступало, в детстве он гремел на всю страну. Ещё в средней школе Чу Цинюнь наткнулся на его старое интервью. Там Шао Жань признавался, что до ужаса боится высоты. Во время съёмок на обрыве, где он играл похищенного сына главного героя, мальчик изобразил обморок настолько натурально, что режиссёр уже приготовился рукоплескать юному дарованию. Вот только оказалось, что ребёнок действительно отключился от паники. Съёмочная площадка тогда превратилась в суматошный балаган, пока его спешно увозили в больницу.

Мама тогда над этим интервью хохотала до слёз, нахваливая очаровательного мальчишку на экране. Правда, тут же спохватилась, заметив, как помрачнел её собственный сын, и поспешила задобрить насупившегося Чу Цинюня:

«Ну конечно, до нашего Котёнка ему далеко! Если бы мой сыночек пошёл в актёры, все девчонки у его ног штабелями лежали бы!»

— Хм, — фыркнул тогда Цинюнь. Обида уже улетучилась, но гордость не позволяла улыбнуться, и он продолжал напускать на себя капризный вид. — Раз он вам так нравится, усыновите его. А я, даже если стану актёром, никогда не буду кривляться ради дешёвой жалости.

— Ух, вредина, — мамино терпение надолго не хватало, и затылок Цинюня тут же встретился с её лёгким подзатыльником. — Мне ещё одного сорванца для головной боли не хватало? Будет с тебя, один раз приласкала — и хватит. Ещё хоть слово пискнешь, схлопочешь по-настоящему.

Шао Жань заметил, что Цинюнь погрузился в свои мысли, и не стал его беспокоить, повернувшись обратно к Чэнь Сяоди:

— Он прав, я действительно никогда не летал на тросах. Стоит мне подняться выше пяти метров над землёй, как сознание просто покидает чат.

— Боже! И что теперь делать?! — Чэнь Сяоди вскрикнул так громко, что на них тут же обернулись несколько человек за соседними столами. Смутившись, он торопливо зашептал: — Брат Жань, может, поговоришь с режиссёром?

— Чэнь Сяоди, — Чу Цинюнь, чей мысленный разговор с матерью был бесцеремонно прерван, раздражённо свел брови к переносице. — Ты сценарий вообще открывал?

Сяоди виновато моргнул:

— Я... ещё не успел.

— У нас сценарий в жанре фэнтези-сянься. Тросы нужны исключительно ради зрелищных боевых сцен, никто не станет поднимать тебя под самый купол.

Шао Жань согласно кивнул:

— Пару метров я как-нибудь переживу. К тому же в этом туре никто не выбывает. Даже если наберу мало баллов, потом наверстаю.

Главным для него оставались экранное время и внимание публики. Амбициями стать победителем шоу Шао Жань явно не страдал — в конце концов, какими бы блестящими ни были его выступления, они не шли ни в какое сравнение с тем хайпом, который приносил грамотный шиппинг.

Чу Цинюнь и Шао Жань обменялись понимающими взглядами. Заметив, что Чэнь Сяоди всё ещё изнывает от беспокойства, Цинюнь уже собирался подбодрить его, как вдруг спиной почувствовал настойчивый, прожигающий взгляд.

Он обернулся и столкнулся взглядом с Си Туном, который обедал за столом для персонала, но вместо еды безотрывно гипнотизировал Цинюня.

На лице Си Туна читалась ещё большая тревога, чем у Чэнь Сяоди. С того самого момента, как режиссёр объявил о полётах на тросах, парень ходил сам не свой. Подобная мрачность наводила на определённые мысли.

«Вполне возможно, в оригинальном сюжете книги с этими тросами был связан какой-то неприятный инцидент...»

Поняв, что его поймали с поличным, Си Тун поспешно уткнулся в тарелку, заработав ложкой.

Но уже через секунду, будто вспомнив о чём-то важном, он с гордым видом приподнял пиалу и слегка покачал ею, словно выпрашивая похвалу.

В последнее время местное меню удивительно точно потакало личным кулинарным пристрастиям Цинюня. Даже рис сегодня сварили до особого, полужидкого состояния, напоминающего густую кашу, из-за чего половина участников, предпочитавших рассыпчатый гарнир, вовсю ворчала. Судя по довольной физиономии Си Туна, это была исключительно его заслуга.

Но стоило Цинюню отвернуться, как ощущение чужого присутствия вернулось. Он скосил взгляд в другую сторону и обнаружил Сун Сюйяна и Хэ Юэ. Те сидели плечом к плечу и, синхронно подперев щеки руками, замороженно созерцали его фигуру.

— А-ха-ха, я тут всю шипперю соседей по комнате, а тут в кадр влезает личный помощник, да ещё и Сяо Сун с Хэ Юэ устраивают гляделки!

— Вот скажите, как нашему Котёнку с его вечно недовольной миной удастся собирать вокруг себя целый гарем? Не только друзья, мне кажется, там вообще все тайком на него пялятся.

— Только-только настроилась на романтику с соседом, а тут этот милэш-ассистент... Когда он смотрит на Чу Цинюня, у меня в голове сразу пишется драма на сто тысяч слов о безответной любви!

— Эй, каст «Кровавой луны» тоже невероятно горяч! Влюбиться в партнёра по площадке из-за слишком глубокого погружения в роль — это же классика, безумно романтично.

— Ха-ха-ха, Хэ Юэ держится молодцом, а вот Сяо Сун, похоже, окончательно застрял в образе. Он вообще планирует возвращаться в реальность?

Шао Жань разделял эти опасения. В одном из прошлых выпусков он работал в паре с Сун Сюйяном, так что они неплохо ладили.

— Похоже, Сюйян до сих пор не может выбраться из роли, — негромко заметил Шао Жань. — «Кровавая луна» оставила слишком глубокий след. Когда я был ребёнком, на площадке одна актриса так сильно увязла в образе, что после десятиминутной сцены с рыданиями не могла успокоиться ещё целый час. И даже спустя две недели после окончания съёмок начинала плакать, стоило кому-то процитировать её реплику.

— Так жутко? — Чэнь Сяоди, который сам недавно ощутил сладость актёрского транса, округлил глаза и поежился, но в его взгляде вспыхнуло неподдельное любопытство.

Ему хватило пяти минут мимолётного слияния с образом Лун Тяня, чтобы почувствовать себя на седьмом небе от восторга.

«Каково же тогда застрять в роли насовсем? Насколько глубок этот омут?»

Поймав себя на лёгкой зависти к Сун Сюйяну, Сяоди вздохнул. Как же сильно ему хотелось снова сыграть в паре с Чу Цинюнем...

— Только вот случай Сюйяна гораздо опаснее, — предостерёг его Шао Жань, заметив этот мечтательный блеск в глазах товарища. — Он примерил на себя женскую роль, причём с явным переносом чувств на партнёра. Если бы они сейчас разъехались и не виделись, морок бы сошёл. Но поскольку Чу Цинюнь постоянно маячит у него перед глазами, этот процесс может затянуться бог знает на сколько.

— Точно... он же играл молодую наложницу, — прошептал Чэнь Сяоди, вспоминая образ Пятой госпожи, и по его спине пробежал холодок. — И что теперь делать? Он что, правда может влюбиться в брата Чу?

Зрители трансляции, которые поначалу лишь подшучивали над «профдеформацией» Сун Сюйяна, тоже начали осознавать всю серьёзность ситуации. Чу Цинюнь сидел спиной и ничего не замечал, но от камер было не скрыться: за весь обед Сюйян едва притронулся к еде, зато добрых десять минут буквально пожирал Цинюня взглядом, а в какой-то момент даже украдкой смахнул набежавшую слезу. Сжиться с женским персонажем и перенести эту тоску на собственного коллегу по сцене... От такой картины действительно становилось не по себе!

Чу Цинюнь задумчиво побарабанил пальцами по столу, затем резко поднялся и направился напрямик к парочке.

Оба «созерцателя», завидев приближающуюся фигуру, синхронно застыли. Сонное оцепенение на их лицах медленно сменилось недоумением.

Хэ Юэ опомнилась быстрее и смущённо постучала ладонью по лбу, стряхивая остатки наваждения. Сун Сюйян же, увязший в роли гораздо глубже, вздрогнул лишь тогда, когда Цинюнь вырос прямо перед его столом.

— Ты чего?! — воскликнул он, едва ли не подпрыгнув на стуле. — Напугал до смерти!

— Помнишь, в приюте мы все сажали растения? Твои семена тогда так и не взошли, помнишь?

Чу Цинюнь, который после их первой встречи практически никогда не заводил разговоров о детдомовском прошлом, вдруг поднял эту тему, чем окончательно сбил Сюйяна с толку.

— Ну ещё бы мне не помнить... — проворчал тот. — У всех ребят тогда появились ростки, и только моя кинза сгнила в земле. Я тогда чуть от злости не лопнул!

Сюйян обожал кинзу. Поэтому, когда воспитательница предложила детям разбить крошечный

огород и вся группа дружно выбрала цветы, он упрямо затребовал семена пряной травы. Впрочем, его каприз мерк на фоне чудачества Чу Цинюня. Тот состриг прядь собственных волос, закопал её в горшок и заявил, что собирается вырастить своего двойника — чтобы тот вместо него давился склизкой кашей в уютной столовой.

Разумеется, в итоге ни в одном из этих двух горшков ничего так и не выросло. Сюйян тогда горько рыдал и больше месяца оплакивал несостоявшийся урожай кинзы, в то время как Цинюнь искренне радовался — ведь это означало, что заменить его в этом мире никто не сможет.

— К чему ты вообще это вспомнил? — недоуменно спросил Сюйян, выныривая из глубин памяти.

В этот момент губы Чу Цинюня изогнулись в улыбке. Это была холодная, хищная ухмылка какого-нибудь безумного злодея из кино — выражение, абсолютно чуждое образу кроткой и ранимой Юэжу.

— Моя работа.

Прислушивавшаяся к разговору Хэ Юэ не выдержала и прыснула в кулак.

Сун Сюйян оцепенел. Мир вокруг него затрепал по швам.

— Терпеть не могу кинзу, — невозмутимо пояснил Цинюнь. — Поэтому я раскопал твой горшок, выбросил семена и закопал туда жареные семечки со специями. Я тогда... ещё не знал, что жареное не прорастает.

Хэ Юэ окончательно покатилась со смеху.

— Чу Цинюнь! — взревел Сюйян. Он подскочил со стула, мёртвой хваткой вцепился в плечи друга и принялся неистово его трясти.

Поняв, что Цинюню на эту тряску плевать, Сюйян в порыве праведного гнева вскинул руки и в шутку обхватил его шею, продолжая мотать несчастного во все стороны.

Си Тун тут же сорвался с места, намереваясь силой оттащить дебошира, но Чу Цинюнь одним ледяным взглядом пригвоздил помощника к месту, заставив вернуться за свой стол.

— Ты хоть понимаешь, какую психологическую травму нанёс пятилетнему ребёнку?! — Сюйян, даже не заметив вмешательства Си Туна, в отчаянии обхватил голову руками. — Семечки со специями... То есть ты посадил то, что сам любишь?! Почему тогда сразу не маринованные куриные лапки?! Ну ты и чудовище, а-а-а!

— Я не ем лапки... — тихо вставил Цинюнь.

— Заткнись!

Остальные участники шоу заинтересовались происходящим еще в тот момент, когда Цинюнь только поднялся со своего места, и теперь с любопытством прислушивались к разговору. Скандал вокруг подмены детей в семье Чжоу обеспечивал передаче львиную долю просмотров, поэтому о сиротском прошлом Чу Цинюня знали все. Упоминание детского дома никого не удивило.

Но вот признание Цинюня заставило многих покатиться со смеху. Если сейчас его прямолинейность временами пугала, то в детстве он, похоже, был тем еще чертенком. Кое-кто даже мысленно поблагодарил его приемную мать. Какое счастье, что она сумела направить этот ершистый характер в мирное русло и воспитать его честным человеком. Иначе сегодня им пришлось бы соревноваться не просто с гениальным актером, а с хитрым, изворотливым интриганом, у которого за душой мешок коварных планов. С таким соперником точно сладу не было бы!

Чат под трансляцией взлетел от комментариев:

— Хоть по жалобам Сюйяна и былым байкам понятно, что Котёнок рос сорванцом, но чтобы настолько?!

— Ну всё, образ хрупкой Юэжу разбился вдребезги. Как моя идеальная девочка может быть такой врединой?!

— Ха-ха-ха, прелесть какая! Бедный Сяо Сун, у меня сейчас слезы потекут!

— Вы серьезно? Человек пакостил в детстве, а они его милым называют. С головой всё в порядке?

— Предыдущий комментатор, ау, ему тогда четыре-пять лет было! К тому же неужели непонятно, зачем Чу Цинюнь это рассказал? Он же пытается вытащить друга из роли!

— А-ха-ха, точно! Сяо Сун мигом очнулся, правда, теперь он готов его прибить.

— Впервые вижу, чтобы Котёнок безропотно сносил побои, ха-ха! Ему действительно неловко!

— Жестоко, но чертовски действенно.

— Сяо Сун: ну спасибо, удружил.

Прокричавшись, Сун Сюйян тоже осознал истинные мотивы Цинюня. Гнев поутих, и распускать руки дальше стало как-то глупо.

Но стоило ему вспомнить свои детские слёзы и годы глубоких сомнений в собственных способностях садовода, как зубы сами собой сжимались от досады. Теперь, глядя на Чу Цинюня, он не то что Юэжу вспомнить не мог — перед глазами стоял исключительно пресловутый горшок с жареными семечками!

— Всё ещё видишь во мне Юэжу? — спросил Цинюнь, попытавшись изобразить ту самую мягкую, кроткую полуулыбку, чтобы закрепить терапевтический эффект.

Сюйян ожёг его ледяным взглядом:

— Я вижу в тебе наглую морду, которая так и просит кирпича... погоди. Я помню, ты ненавидел грызть семечки и ел только очищенные. Ты что... их ещё и очистил перед тем, как закопать?

— Ну да.

Сюйян едва не задохнулся от возмущения:

— И этот человек ещё смеет называть других дураками! Да ты сам круглый идиот!

Убедившись, что друг окончательно пришёл в себя и фонтанирует привычной энергией, Цинюнь повернулся к Хэ Юэ.

Та, буквально распластавшись по столу от хохота, поспешно подняла ладонь вверх:

— Всё-всё, я тоже в норме. Клянусь. Я — Хэ Юэ, он — Сун Сюйян, а ты — просто жареная семечка.

<http://bllate.org/book/20480/2213875>